ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 28 Пятница, 19 іюля (1 августа) 1902 г. № 28

„Пендераклія".

(Эпизодъ изъ русско-турецкой войны).

Двѣнадцатаго апрѣля настоящаго года мы отпраздновали многознаменательный юбилей—двадцатипятилѣтіе со дня объявленія войны за освобожденіе Болгаріи.

Сколько пережито, и радостей, и горя тѣми, кто въ той, или иной мѣрѣ касался этого историческаго событія; кто такъ или иначе принималъ въ немъ активное участіе!..

Въ моемъ столѣ еще уцѣлѣлъ, — забава юныхъ дней—мой дневникъ. 25 лѣтъ назадъ я въ эту книженку вписывалъ впечатлѣнія дня.

Къ вѣнчанію черногорскаго княжича Мирко съ Еленой Константиновичъ.—Шествіе молодыхъ въ церковь.

Какъ живо представилось мнѣ и то тяжелое положеніе, въ которомъ очутился нашъ черноморскій флотъ, врасплохъ застигнутый войной 1877 года.

Кто не знаетъ того, что въ силу трактата, Россія съ 1854 года на Черномъ морѣ не имѣла боевого флота, въ настоящемъ значеніи этого слова. Даже турецкій, при всемъ его убожествѣ, представлялся гигантомъ передъ нашими легкими пароходами, нѣсколькими деревянными корветами и мелкими шхунами.

Трофей этотъ достался нашему флоту.

После „дѣла Весты" Н. М. Барановъ былъ назначенъ командиромъ крейсера „Россія",

Крейсеръ „Россія", ведущій на буксирѣ захваченный въ плѣнъ турецкій крейсеръ „Мерсину", впослѣдствіи названный „Пендераклiей".

(Къ очерку „Пендераклія").

одного изъ самыхъ большихъ крейсеровъ, дѣйствовавшихъ въ ту кампанію. Судно это было и большихъ размѣровъ, и обладало наибольшимъ ходомъ до 14 узловъ, и вооружено оно было наибольшей артиллеріей по количеству орудій и по колибру ихъ.

Въ концѣ сентября крейсеръ пришелъ въ Одессу и ошвартовался у Карантиннаго мола.

Здѣсь заканчивались его вооруженія для военныхъ цѣлей: устанавливались орудія, запасались снарядами, вооружались катера для минныхъ атакъ, грузили уголь и даже устанавливались „приборы автоматической стрѣльбы Давыдова“.

Работы подвигались вяло. Каждый новый день порождалъ массу неожиданностей и сюрпризовъ, сильно затягивавшихъ дѣло вооруженія.

Осень кончилась, и надвигалась зима. Надъ Одессою уже висѣли густыя, тяжелыя облака, холодный вѣтеръ завывалъ, какъ старая вѣдьма; начинались и утренники.

А тамъ, между тѣмъ, въ Севастополѣ, творились дѣла... да еще и какія! Крейсеръ „Константинъ“ подъ командой своего лихого командира капитанъ-лейтенанта Макарова своими ночными набѣгами просто не давалъ намъ покоя. И вмѣсто того, чтобы пожинать лавры, подобно ему, мы торчали въ Одессѣ и строчили бумаги по разнымъ заводамъ и адмиралтействамъ, понукая ихъ ускорить работы по различнымъ частямъ вооруженія.

13 декабря рано утромъ совершенно неожиданно на крейсеръ явился командиръ Н. М. Барановъ, поражая насъ столь раннимъ посѣщеніемъ (тогда онъ жилъ на берегу), но удивленіе наше увеличилось еще болѣе, когда мы были приглашены къ нему въ рубку.

— Господа!—обратился къ намъ Николай Михайловичъ, когда мы всѣ собрались.—Я счастливъ, что могу, наконецъ, поздравить васъ съ походомъ. Завтра въ 2 часа дня снимаемся съ якоря. Поспѣшите заканчивать ваши главныя дѣла каждый по своей спеціальности. Я знаю, что у большинства изъ васъ кое-что не закончено, но дѣло не въ деталяхъ... въ главномъ мы готовы, а это—все. Завтра въ 2 часа... — Такъ закончилъ свое неожиданное распоряженіе Николай Михайловичъ, любезно съ нами прощаясь.

Передъ спускомъ флага, командиръ обошелъ крейсеръ во всѣхъ его подробностяхъ; а затѣмъ собралъ команду и сказалъ подобающее слово по поводу предстоящаго похода...

Затѣмъ командиръ уѣхалъ въ городъ. Примѣру его послѣдовали и тѣ изъ насъ, кто уже успѣлъ закончить свои дѣла. Стремились на берегъ, чтобы проститься съ близкими людьми и провести послѣдній день нашей стоянки.

Много пролилось слезъ въ тотъ вечеръ... много сказано было и утѣшеній!..

Уже поздно ночью сонные извозчики подвозили къ трапу „Россіи“ ея героевъ, растроганныхъ и нагруженныхъ сувенирами самаго разнороднаго характера...

Хотя наступившій день былъ хмурый, холодный и вѣтренный, какъ и многіе предыдущіе, навѣвавшій угрюмое состояніе, но сегодня мы были въ приподнятомъ настроеніи, и тоскливое угнетавшее чувство уступило мѣсто бодрому, веселому и какому-то увѣренному...

Къ десяти часами все и у всѣхъ было готово. Въ машинномъ отдѣленіи въ особенности кипѣла энергичная работа, въ котлахъ начали разводить пары. Старшій офицеръ съ озабоченнымъ видомъ отдавалъ послѣднія приказанія. Командиръ снова обошелъ крейсеръ—все было въ порядкѣ и вполнѣ приготовлено къ выходу въ море. Къ часу стали собираться почетные гости, знакомые, родные. Набережная быстро наполнялась разнымъ народомъ. Пріѣхали священники, командующій войсками одесскаго округа, а съ нимъ явилась и масса разнаго военнаго люда. Молебенъ отслуженъ, сказано напутственное слово, окроплена святой водой и команда, и самъ крейсеръ... Сказаны и послѣднія благожеланія... Гости начали оставлять палубу крейсера... Вотъ и трапъ снятъ... отданы швартовы... Раздалась и мѣрная команда командира—„Малый ходъ впередъ“.

Торжественная минута! Грянулъ оркестръ, а ему вторили тысячи голосовъ, и воздухъ оглашался перекатами ура...

Крейсеръ тихо, ломая тонкій ледъ, начиналъ плавно отдѣляться отъ мола... Толпа на набережной зашевелилась и двинулась по направленію уходящаго судна. А тамъ въ сторонѣ и цѣлая группа плачущихъ людей—плачетъ старушка, держа за руку мальчика; другого мальчика растроганная мать подняла и, какъ бы, хочетъ бросить удаляющемуся отцу; и еще въ сторонѣ стоитъ и машетъ руками вся въ слезахъ старуха, видимо мать матросика... и вездѣ тѣ же слезы и все тѣ же крестныя знаменія...

———

Мы въ открытомъ морѣ! Оно сѣрое, густое, еле рябитъ и, распластившись во всѣ стороны, потянулось въ безконечную даль, чтобы тамъ, на горизонтѣ, слиться съ небомъ, такимъ же хмурымъ, какъ и море...

„Россія“ бодро бѣжитъ, бодро рѣжетъ воду и вдоль бортовъ гонитъ запѣнившіеся гребни. Чайки кружатъ за кормой, ловко выхватывая изъ воды рыбу, оглушенную судовымъ винтомъ. Въ воздухѣ пахнетъ моремъ. Офицеры и команда разбрелись по палубѣ, заканчивая послѣднія дѣла, свободные стоятъ и болтаютъ. Вахты распредѣлены и уже заняты. Съ напряженнымъ вниманіемъ каждый ожидаетъ, куда будетъ проложенъ курсъ. Сдѣлано и это важное дѣло—курсъ взятъ на Батумъ.

— Браво,—слышится вокругъ,—стало быть, прямо къ дѣлу.

Начинаетъ вечерѣть.

Наконецъ, все уже закончено и приведено въ должный порядокъ, подошло и время обѣда. Каютъ-компанія быстро наполняется: каждый занимаетъ свое мѣсто.

Первый обѣдъ въ морѣ на крейсерѣ „Россія“. На всѣхъ лицахъ самодовольство, сознаніе своего достоинства и даже нѣкоторый задоръ. Всѣмъ хочется болтать, острить. Хорошо! Дружески подтрунивая другъ надъ другомъ, вспоминаются разные эпизоды и послѣдняго дня, и проводовъ.

Есть между нами и сосредоточенно молчаливые, слишкомъ еще жива въ ихъ памяти недавно пережитая картина трогательной разлуки, слезы ихъ женъ, дѣтей, матерей.

Всѣхъ объединяетъ общее чувство, чего-то предстоящаго, и все, что говорится, носитъ характеръ дружескій и нѣжно трогательный.

Послѣ обѣда я вышелъ на палубу. Совсѣмъ стемнѣло. Воздухъ сдѣлался еще теплѣе и мягче. Одесса скрылась изъ виду и только еле мерцающій огонь маяка указывалъ то мѣсто, гдѣ о многихъ изъ насъ въ эту минуту думаютъ, скучаютъ, и кто знаетъ, можетъ быть, не одна слеза катится по розовой щекѣ тоскующихъ... гдѣ и изъ старческихъ глазъ нашихъ матерей бѣгутъ горючія слезы, задерживаясь въ морщинахъ дорогихъ намъ лицъ.

А „Россія“ тихо скользитъ по водѣ, покачиваетъ, убаюкиваетъ и уноситъ насъ на своихъ плечахъ все дальше и все ближе къ тому, что насъ ожидаетъ тамъ, гдѣ-то за той далью.

Море подъ кормой красиво искрится миріадами фосфорическихъ иглъ, оставляя далеко на водѣ тускло свѣтящуюся, голубоватую полосу. Вокругъ бѣгущаго судна морская пучина точно заснула—тьма и тишина, а на крейсерѣ жизнь, полная кипучей дѣятельности и зоркой бдительности.

Что-то намъ готовитъ завтрашній день?!

———

На слѣдующій день небо было такое же хмурое и облачное. Воздухъ былъ мягче и теплѣе. Мы шли полнымъ ходомъ по проложенному курсу.

Жизнь на крейсерѣ вошла въ свои права и потекла обычнымъ служебнымъ порядкомъ, всякій занятъ своимъ дѣломъ.

Вопросы возможныхъ столкновеній съ турецкими броненосцами какъ-то отлетѣли отъ нашихъ помысловъ, точно мы шли обычнымъ, мирнымъ рейсомъ. Подошелъ, наконецъ, и завтракъ; сегодня онъ проходитъ такъ же оживленно, какъ и вчерашній обѣдъ.

Черезъ 12 часовъ мы подойдемъ къ турецкимъ берегамъ. Въ полдень взятъ новый курсъ на Пендераклію, небольшой приморскій городокъ, въ бухтѣ котораго турецкія суда грузятся углемъ, такъ какъ въ его окрестностяхъ каменноугольныя копи.

Въ 3 часа командиръ крейсера собралъ офицеровъ въ своей рубкѣ и снова подарилъ насъ неожиданнымъ сюрпризомъ.

— Сегодня въ 11 часовъ должна быть произведена минная атака на турецкіе броненосцы, которые, я имѣю свѣдѣнія, грузятся въ Пендераклія углемъ,—обратился Н. М. Барановъ къ офицерамъ.—Гг. командиры минныхъ катеровъ, приготовьтесь къ дѣлу, въ 11 часовъ катера.

Былъ установленъ и самый планъ атаки. Нападаетъ каждый катеръ самостоятельно на каждое отдѣльное судно, если ихъ окажется по числу атакующихъ катеровъ, нападеніе должно быть начато съ самыхъ большихъ судовъ, если же непріятельскихъ судовъ окажется меньше, чѣмъ катеровъ, то атака ведется совмѣстно, приспособляясь во всякомъ отдѣльномъ случаѣ къ обстоятельствамъ, какія могутъ оказаться на мѣстѣ. Говорилось и о многихъ другихъ деталяхъ по этому поводу. И когда, наконецъ, вопросъ былъ исчерпанъ во всѣхъ его техническихъ подробностяхъ, мы оставили рубку командира, и каждый изъ насъ занялся нужными приготовленіями для предстоящаго дѣла.

Нервы замѣтно возбуждались, состояніе духа приподымалось съ каждой минутой, а онѣ, какъ нарочно, текли возмутительно медленно. Хотѣлось, чтобы скорѣе подошла ночь...

Вотъ, наконецъ, настала ночь.

Въ бинокль уже можно было разглядѣть огоньки на берегу.

Стройно и безшумно спущены были на воду катера съ разведенными парами, сказаны и послѣднія пожеланія отплывающимъ товарищамъ; на катерахъ все готово, всѣ на своихъ мѣстахъ.

— Съ Богомъ,—послышался спокойный голосъ командира.

— Есть,—было отвѣтомъ, и катера отвалили.

Сотни людей обнажили головы, осѣняя крестнымъ знаменіемъ исчезавшихъ во тьмѣ товарищей, а прошли 3—4 минуты, и самый напряженный глазъ уже ничего не могъ различить.

Затѣмъ потекли томительные часы ожиданій.

Крейсеръ, маневрируя взадъ и впередъ, старался сохранять первоначальное мѣсто. Облака почти разсѣялись, и на синемъ небѣ ярко горѣли звѣзды, вокругъ была та же тьма и тишина, и только порою ее нарушалъ долетавшій съ берега жалобный вой голоднаго шакала.

Душой начинало овладѣвать томленіе и тревожное, тоскливое чувство. Мы всѣ на палубѣ. Офицеры сгруппировались на кормѣ вокругъ симпатичнаго старца, нашего артиллериста, героя славныхъ дней севастопольскихъ.

Онъ тогда былъ молодымъ офицеромъ и участвовалъ на многихъ бастіонахъ.

Подошелъ я незамѣтно и къ небольшой кучкѣ молодыхъ матросовъ. Тѣсно прижавшись къ грюмному люку, сидѣли они и тихо болтали.

Вдругъ послышался голосъ сигнальщика съ марса: „катера показались!"

Всѣ люди, какъ муравьи, засуетились, забѣгали по палубѣ, стараясь плотно придвинуться къ борту, съ котораго ожидались катера. На мостикъ спѣшно поднялся командиръ. Я взглянулъ на часы—было половина третьяго.

Лейтенантъ Заринъ, поднявшись съ катера, доложилъ командиру, что на рейдѣ военныхъ непріятельскихъ судовъ нѣтъ, кромѣ 2—3 мелкихъ парусныхъ.

— Жаль,—подумалъ каждый изъ насъ.

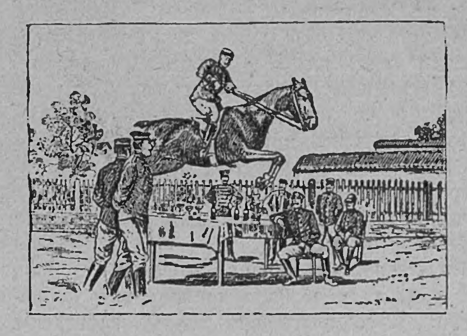
Тихо и стройно взвились катера на свои мѣста, а черезъ ½ часа на крейсерѣ водворилась тишина и порядокъ, точно онѣ ничѣмъ и не нарушались.

Въ 4 часа я пошелъ на вахту. Начинало разсвѣтать. Небо почти очистилось отъ облаковъ. Съ материка тянулъ свѣжій вѣтерокъ. Въ утренней мглѣ берегъ казался сизо-голубой тучей, густой и однотонной.

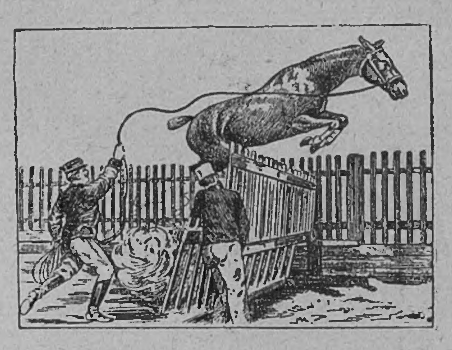
Море еле рябило, плавно покачивая бѣгущую среднимъ ходомъ „Россію" по направленію Батума.

Ударило 6 часовъ. Природа начинала просыпаться. Небосклонъ подергивался розоватыми оттѣнками восходящаго солнца. И полубѣлое море постепенно начинало какъ бы зажигаться розоватымъ оттѣнкомъ. Вокругъ попрежнему было тихо, и только стаи бѣлогрудыхъ чаекъ оглашали воздухъ пронзительнымъ пискомъ, да по сторонамъ, разрѣзая розовую поверхность воды, кувыркались черные дельфины, подымая на водѣ красивую рябь. А „Россія" все бодро бѣжитъ, бурлитъ воду подъ кормой и гонитъ вдоль бортовъ длинную зыбь, проводя по розовой поверхности полосы голубоватаго цвѣта съ запѣнившимися гребешками.

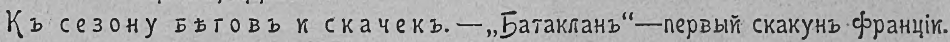
— Справа показался дымъ—донесся вдругъ голосъ сигнальщика съ марса. Черезъ нѣсколько секундъ я стоялъ рядомъ съ нимъ и убѣдился, что навстрѣчу намъ дѣйствительно

„Батакланъ" съ ѣздокомъ перескакиваетъ черезъ столъ съ группой стоящихъ и сидящихъ офицеровъ.

„Батакланъ" беретъ препятствіе въ 2½ метра вышиною.

Къ сезону бѣговъ и скачекъ.—„Батакланъ"—первый скакунъ Франціи.

идетъ большое паровое судно. Дальность разстоянія мѣшала опредѣлить его конструкцію.

Спустившись на палубу, я лично доложилъ командиру о появившемся суднѣ.

— Прекрасно — спокойно отвѣтилъ Н. М., дремля въ креслѣ, совершенно одѣтый. — Сейчасъ выйду, команду подождите будить.

Черезъ 2—3 минуты командиръ уже стоялъ на верхнемъ мостикѣ и пристально разглядывалъ въ трубу идущее судно.

— Всѣхъ на верхъ по своимъ мѣстамъ—скомандовалъ командиръ.

— Всѣхъ на верхъ по своимъ мѣстамъ—заревѣли вахтенные унтеръ-офицеры; серебристой трелью засвистали ихъ свистки...

Не прошло и 5 минутъ, какъ вся команда крейсера уже стояла по своимъ мѣстамъ, готовая принять бой каждую минуту. А востокъ, между тѣмъ, все алѣлъ и розовѣлъ. Небосклонъ, горы и море еще гуще и гуще подергивались чарующими оттѣнками нѣжныхъ окрасокъ.

„Россія", прибавивъ ходу, еще быстрѣе скользила по гладкой водѣ навстрѣчу идущему судну, сокращая къ нему разстояніе съ каждой минутой. А надъ горами, между тѣмъ, величаво поднялось багровое солнце, заливая розовыми лучами верхушки горъ и снѣговыя ихъ шапки.

Разстояніе до идущаго судна сократилось до одной версты, и теперь уже стало очевиднымъ, что мы встрѣтились съ большимъ паровымъ судномъ, а не съ военнымъ броненосцемъ. Въ бинокль ясно видно было, что на его палубѣ масса народу и что тамъ сильное движеніе. Флага же, опредѣляющаго его націю, на его мачтахъ не было, что и заставило командира сдѣлать нѣсколько тревожныхъ свистковъ; но судно, не обращая на насъ вниманія, стало держаться ближе къ берегу, какъ бы силясь убѣжать.

Приказано было пустить ядро передъ носомъ идущаго судна.

Раздался выстрѣлъ... Тишина окружающей природы дрогнула, и гулкое эхо безконечными перекатами разнеслось по водѣ, и по горамъ; ядро, ударившись рекашетомъ передъ идущимъ судномъ и поднявъ красивый столбъ воды, промчалось дальше, въ берегъ.

За первымъ ядромъ полетѣло другое... и снова тѣ же рекашеты, и опять гулкое эхо въ горахъ, и тѣ же эффекты, полные красоты и грознаго величія!.. И только послѣ второго ядра упрямый бѣглецъ, наконецъ, остановился.

Черезъ нѣсколько минутъ на минномъ катерѣ отвалилъ отъ крейсера лейтенантъ Заринъ, съ цѣлью объявить встрѣчное судно военно-плѣннымъ, если оно окажется турецкимъ. Зарину, между прочимъ, вмѣнялось въ обязанность, въ случаѣ вооруженнаго сопротивленія, взорвать судно.

Минутъ черезъ 15 катеръ присталъ къ трапу. Мы ясно видѣли, какъ Заринъ, въ сопровожденіи переводчика и 2-хъ человѣкъ команды, пройдя по палубѣ, поднялся на мостикъ, а затѣмъ снова быстро прошелъ на корму и черезъ минуту, другую на бизань-мачтѣ былъ поднятъ турецкій флагъ...

Воздухъ огласился лихимъ „ура"! далеко разносившимся по водѣ. Но вотъ спущенный флагъ замѣнился вновь поднятымъ—наверху гордо развернулся нашъ военный флагъ, а подъ нимъ смиренно повисъ турецкій полумѣсяцъ...

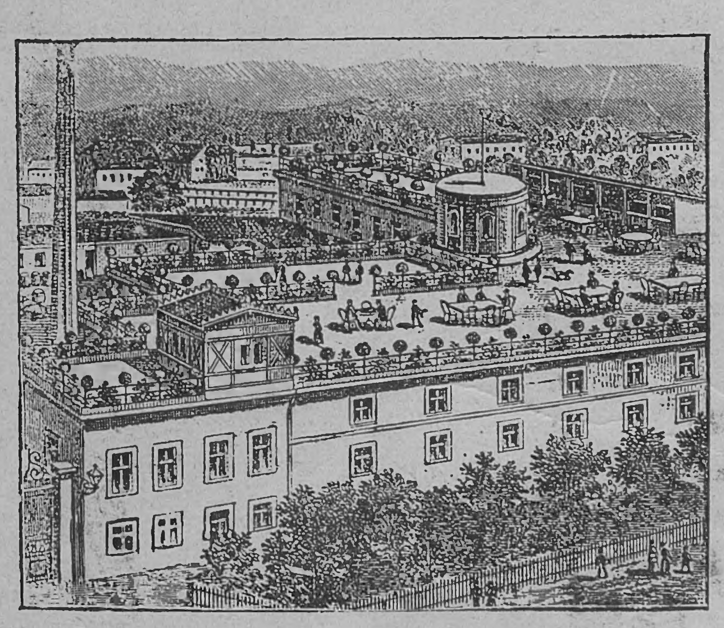
Долго гремѣло молодецкое, лихое „ура"! сотни шапокъ полетѣли въ воздухъ, эхо гулко разносилось по водѣ, оживляя мертвую тишину турецкаго побережья...

А плѣнникъ нашъ уже далъ ходъ и тихо сталъ приближаться къ своему новому властелину. Подошелъ онъ настолько близко, что командиръ свободно отдавалъ распоряженія. Приказано было немедленно перевезти на крейсеръ командира плѣненнаго судна и 20 военныхъ офицеровъ, съ пашой во главѣ.

На нашемъ плѣнникѣ, какъ оказалось, переправлялся въ Карсъ полкъ регулярной пѣхоты въ полномъ составѣ!

Въ числѣ трофей, между прочимъ, достался намъ и „гаремъ", переправляемый на театръ военныхъ дѣйствій одному изъ военачальниковъ. Какъ ни вѣроломно было съ нашей стороны, но, невольно, приходилось лишить несчастнаго пашу этого утонченнаго комфорта.

Но что это былъ за несносный грузъ!.. Страхъ, что ихъ казнятъ на русскомъ крейсерѣ, и ненависть къ правовѣрнымъ, доходящая до фанатизма, дѣлали этихъ покорныхъ затворниць гарема разъяренными тигрицами: при посадкѣ на катера онѣ оказывали просто варварское сопротивленіе—рвали одежду, кусали, царапали руки матросамъ; а въ моментъ, когда катеръ приставалъ къ трапу „Россіи", одна изъ нихъ бросилась въ воду. Высадить ихъ на палубу представлялось задачей... Но, наконецъ, все было улажено и закончено: паша, 20 турецкихъ офицеровъ и командиръ судна были перевезены; у вооруж-

Садъ и ресторанъ, устроенные на крышахъ домовъ.

Въ виду все возростающихъ цѣнъ на землю, въ особенности въ большихъ городахъ, за границей начинаютъ утилизировать крыши для устройства на нихъ садовъ и ресторановъ. Проектъ подобнаго ресторана, предложенный къ осуществленію въ Кельнѣ, изображенъ на нашемъ рисункѣ.— Понятно, что подобная утилизація крышъ примѣнима лишь тамъ, гдѣ количество выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ допускаетъ устройство крышъ безъ скатовъ.

Профессоръ московскаго университета
И. Н. Новацкій.
† 4 іюля.

женныхъ от брано оружіе; на захваченное судно, въ свою очередь, назначены офицеры и команда.

Нашимъ неожиданнымъ гостямъ были уступлены офицерскія каюты, предложенъ обѣдъ, вино и сласти.

Подобнаго отношенія они, видимо, не ожидали, и, конечно, благодарностямъ съ ихъ стороны не было конца.

Въ 2½ часа, наконецъ, мы дали ходъ впередъ на Севастополь.

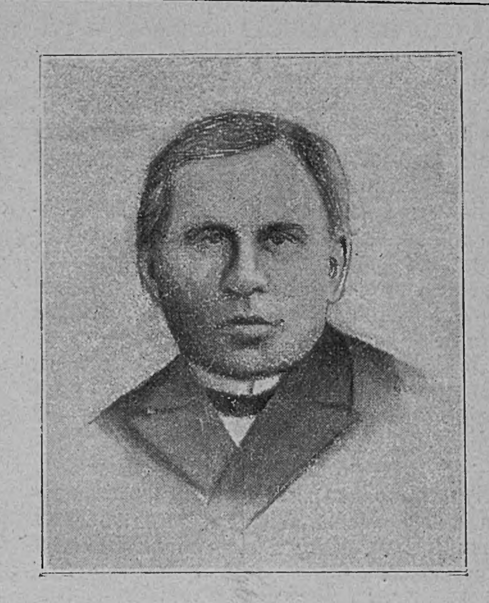
Но тутъ судьба вздумала не въ шутку подтрунить надъ нами: удаляясь, мы видѣли, какъ стремился улизнуть отъ насъ другой, подобный же пароходъ, нагруженный, какъ потомъ оказалось, артиллеріей...

Само собою разумѣется, всѣхъ насъ охватило непреодолимое желаніе овладѣть и этимъ бѣглецомъ, но послѣ совѣщаній мы рѣшили умѣрить свой пылъ...

По заявленіямъ турецкихъ офицеровъ, оба эти судна долженъ былъ конвоировать броненосецъ, и слѣдовательно всякое замедленіе съ нашей стороны могло бы создать встрѣчу

Профессоръ Гергардтъ.
† 8 (21) іюля.

Д. т. с. К. П. Яновскій,
извѣстный педагогъ, бывшій попечитель кавказскаго учебнаго округа.
† 12 іюля въ Сухумѣ.

съ конвоиромъ, столь нежелательную при данномъ положеніи вещей—такъ какъ часть офицеровъ и команды были отправлены на захваченное судно. Скрѣпя сердце, приходилось отказываться отъ новаго приза.

До наступленія вечера шли мы совершенно спокойно. Турки и на „Россіи", и на захваченномъ суднѣ вели себя совершенно покорно. А когда съ наступленіемъ темноты нашъ плѣнникъ былъ взятъ на буксиръ, можно было считать дѣло законченнымъ: надвигающаяся темнота гарантировала намъ безопасность

Севастопольскій праздникъ 24 іюня.—Парадъ на Екатерининской площади у памятника адмирала П. С. Нахимова.

Новый китайскій посланникъ въ С.-Петербургѣ
Хо-Вейчъ,
бывшій совѣтникъ посольства.

Графъ М. Матсуката,
бывшій японскій премьеръ въ настоящее время прибывшій въ С.-Петербургъ.

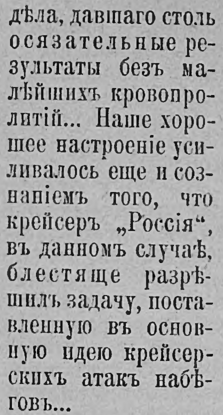

Лордъ Кадоганъ,
бывшій вице-король Ирландіи.

Докторъ Гарно.
Знаменитый проф. Кохъ утверждалъ, какъ извѣстно, что бугорчатка животныхъ не переносится на людей. Противъ этого выступилъ съ возраженіемъ д-ръ Гарно. По его мнѣнію, чахотка заразительна и передается намъ отъ туберкулезныхъ коровъ и быковъ съ ихъ молокомъ и мясомъ. Для подтвержденія своей мысли, Гарно привилъ себѣ этотъ ядъ. Такъ какъ первый опытъ не удался (Гарно не заразился), то онъ на-дняхъ привилъ себѣ туберкулезъ вторично.

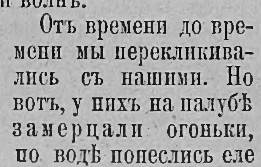
дальнѣйшаго плаванія; завтра же, утромъ, мы подойдемъ къ Севастополю, гдѣ ожидать какихъ-либо нежелательныхъ встрѣчъ не было ни малѣйшихъ основаній. Каждый изъ насъ сознавалъ это, и отрадное, покойное чувство, полное удовлетворенности, было общимъ настроеніемъ всѣхъ участниковъ этого мирнаго

дѣла, давшаго столь осязательные результаты безъ малѣйшихъ кровопролитій... Наше хорошее настроеніе усиливалось еще и сознаніемъ того, что крейсеръ „Россія", въ данномъ случаѣ, блестяще разрѣшилъ задачу, поставленную въ основную идею крейсерскихъ атакъ набѣговъ...

Часы протекали за часами, сумерки смѣнились ночью, и надвигающаяся тьма, какъ темнымъ саваномъ, начинала окутывать даль моря, скрывая насъ, призывая къ дозору и къ усиленной бдительности. Воздухъ, какъ и вчера—былъ мягкій, теплый; небо покрылось облаками.

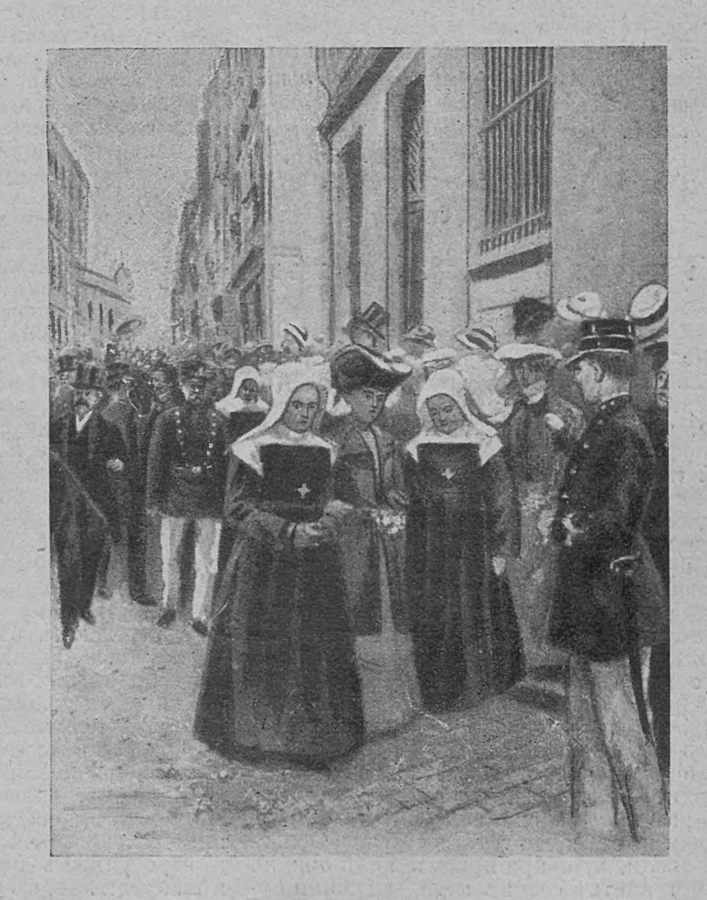
„Россія", патянувъ буксиры своего покорнаго плѣнника, гордо бѣжала, еле покачиваясь на мелкой волнѣ.

Отъ времени до времени мы перекликивались съ нашими. Но вотъ, у нихъ на палубѣ замерцали огоньки, по водѣ понеслись еле слышные звуки зурны, которой вторился грустный мусульманскій напѣвъ... И звуки эти тихо сливались съ рокотомъ волнъ, разносились и замирали гдѣ-то во тьмѣ!.. Не блещутъ они ни мелодіей, ни красотой созвучій, но ихъ хочется слушать, хочется ловить каж-

Конгрегаціи передъ парламентскими выборами совершаютъ молитву о ниспосланіи другого правительства.

Новое правительство мѣрами полиціи удаляетъ изъ монастырей духовныя конгрегаціи, не пожелавшія подчиниться закону о конгрегаціяхъ.

Къ событіямъ въ Парижѣ. — Духовныя конгрегаціи во Франціи до и послѣ парламентскихъ выборовъ.

дую нотку... въ ихъ грусти чувствуется задушевное настроеніе...

Въ шесть часовъ мы проходили Херсонскій маякъ. Завидя насъ съ трофеемъ на буксирѣ, онъ поспѣшилъ подѣлиться этой новостью съ Севастополемъ, и когда въ 10 часовъ крейсеръ началъ заворачивать въ южную бухту—весь городъ уже былъ на берегу, подаривъ насъ совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ: вся бухта была усѣяна шлюпками съ элегантной публикой; всѣ кричали, размахивая чѣмъ попало, дамы забрасывали насъ цвѣтами; съ берега доносилось задушевное ура тысячи голосовъ, звуки музыки...

Едва крейсеръ успѣлъ отдать якорь и спустить трапы, какъ вся его палуба покрылась сотнями посѣтителей. Объятія, поцѣлуи... возгласы, разспросы...

Когда вечеромъ наша команда была спущена на берегъ, ее и тамъ снова ожидали задушевныя оваціи—матросы были желанными и дорогими гостями; на перебой другъ передъ другомъ ихъ спѣшили поздравлять, угощать, и всякій стремился съ матросомъ побрататься...

Потомъ еще не разъ мы выбѣгали въ море „на добычу", но фортуна уже не баловала насъ.

А за Дунаемъ и подъ Карсомъ все еще гремѣли пушки, визжали пули... случалась и штыковая работа!.. Кровь нашихъ незабвенныхъ героевъ сливалась съ кровью отважныхъ, стойкихъ мусульманъ... на турецкихъ поляхъ все чаще и чаще возвышались свѣжіе курганы братскихъ могилъ...

И такъ мучительно протекали мѣсяцы за мѣсяцами, пока, наконецъ, не было спущено кровавое знамя войны!..

Воздухъ постепенно началъ очищаться отъ ѣдкаго дыма, смолкнувшихъ орудій и зловонныхъ испареній человѣческой крови!

Война кончилась.

Суда и желѣзныя дороги усиленно стали перевозить измученныя войска на родную землю, гдѣ ихъ ожидали и заслуженныя лавры, и—увы!—раздирающіе душу стоны тѣхъ, кто въ рядахъ вернувшихся не находилъ своихъ близкихъ!..

Дельфинъ.

Къ исторіи башни св. Марка въ Венеціи.

На развалинахъ башни св. Марка кипитъ работа по очищенію площади. Изъ груды камней и обломковъ извлекается все, что сколько-нибудь пощажено катастрофой и можетъ служить для украшенія новой башни, которая будетъ сооружена на мѣстѣ рухнувшей. Вотъ что говорятъ старинныя хроники и документы о знаменитой башнѣ.

На рыхлой глинистой почвѣ былъ заложенъ фундаментъ этой башни, въ 910 году нашей эры, въ правленіе дожа Петро Трибуно. Затрудненій и препятствій возникало тогда такъ много, что приходилось не одинъ разъ пріостанавливать работы, и только черезъ 238 лѣтъ, около 1148 года, выросли стѣны этого по-истинѣ чудеснаго сооруженія. Въ 1170 году была вызолочена деревянная крыша, нѣсколько позднѣе обшитая листовымъ золотомъ. По разсказу Собеллико, солнечные лучи, падая на эту крышу, такъ сильно рефлексировали, что, при яркомъ полуднѣ, на пространствѣ сотенъ миль, служили путеводной звѣздой для кораблей, приходившихъ изъ Истріи.

Въ послѣдній іюньскій день 1383 года, то былъ четвергъ, молнія внезапно ударила въ башню св. Марка и чуть не разрушила ея. „Нѣсколько смѣльчаковъ-матросовъ,— разсказываетъ Эриццо,—взобрались наверхъ, перевязали башню цѣпями и кабелями, за что дожъ наградилъ ихъ дорогими тканями и золотомъ".

7 іюля 1388 года молнія вновь поразила башню, причинивъ ей значительный вредъ.

Въ 1401 г. отъ фейерверка, устроеннаго по случаю коронованія дожа Михаила Стено, загорѣлась верхняя часть башни. Ее удалось реабилизировать, но едва были окончены работы, она вмѣстѣ съ колокольней сгорѣла въ октябрѣ 1403 г.

Ровно черезъ два года, во время празднествъ по случаю завоеванія Падуи, башня св. Марка, ярко иллюминованная, загорѣлась и сильно пострадала.

Въ іюнѣ 1436 г. огонь охватилъ всѣ лавки и скамьи, расположенныя вокругъ башни, но его удалось быстро потушить.

12 августа 1489 г., въ 5 часовъ утра, поднялась сильная буря; молнія ударила въ золотой шпиль колокольни св. Марка, и загорѣлась крыша. Огонь былъ такой сильный, что 7 колоколовъ компаниллы превратились въ расплавленную жидкость.

Въ дневникѣ патриція Джіороламо Пріуми, подъ 26 марта 1511 г., значится:

„Сегодня въ среду здѣсь въ Венеціи было землетрясеніе, продолжавшееся столько времени, сколько нужно, чтобы прочитать псаломъ покаянія и, пожалуй, даже больше. Сотрясеніе почвы было такое, какого не запомнятъ старожилы, и всѣхъ охватило смятеніе. Разрушено много домовъ, трубъ и колоколенъ. Вода въ каналахъ сильно волновалась. Нѣтъ ни одного дома или дворца, не пострадавшаго. Трещины обнаружены во всѣхъ церквахъ. Колокола сами зазвонили, безъ помощи человѣческихъ рукъ. Со стѣны собора св. Марка слетѣли 5 прелестныхъ статуй. Башня св. Марка, въ особенности верхняя часть ея, сильно пострадала; трещины обнаружены во всѣхъ четырехъ стѣнахъ".

29 марта того же года въ Венеціи выпалъ такой сильный дождь, что городъ очутился подъ водой. Трещины въ стѣнахъ колокольни св. Марка такъ расширились и углубились, что на первыхъ порахъ отчаялись въ возможности исправить башню. Были созваны специалисты и инженеры съ цѣлью выяснить вопросъ о томъ, можетъ ли еще фундаментъ долго устоять и сопротивляться стихійнымъ силамъ. Послѣ тщательнаго изслѣдованія оказалось, что фундаментъ довольно крѣпокъ и могъ бы выдержать еще большую тяжесть, чѣмъ компанилла. Антоніо Гримани, тогдашній казначей городского магистрата (предокъ нынѣшняго казначея, графа Гримани) съ большой ревностью взялся за дѣла исправленія колокольни святого Марка. Части стѣнъ, наиболѣе пострадавшія, были замѣнены новыми, но понадобились еще другія работы, стоимость которыхъ была высчислена въ 10,000 дукатовъ. Дорого стоившія войны, веденныя Венеціей въ XV столѣтіи, истощили казну настолько, что она не могла дать эту сравнительно небольшую сумму. Благородный Гримани сталъ искать въ старинныхъ актахъ и декретахъ указаній средства, къ которому прибѣгали въ такихъ же случаяхъ прежнія поколѣнія, и вотъ одинъ изъ документовъ, случайно попавшій въ его руки, обнаружилъ, что въ казначейской палатѣ собора св. Марка находится нѣсколько ящиковъ, давно не открывавшихся. Къ немалому своему изумленію, Гримани нашелъ въ этихъ ящикахъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, стоимостью, по меньшей мѣрѣ, въ 60,000 дукатовъ. Деньги, вырученныя отъ продажи, были ассигнованы на покрытіе расходовъ по исправленію башни.

Едва Сансовино окончилъ постройку великолѣпной лоджетты, этой „чудной сказки изъ мрамора и бронзы", какъ въ іюнѣ 1548 г. молніей снова была повреждена башня. Но еще опаснѣе всѣхъ ударовъ молній оказалось землетрясеніе, разразившееся 10 іюля 1591 г. Башня св. Марка была такъ потрясена, что, по разсказамъ различныхъ хроникъ, „большой колоколъ самъ ударилъ три раза".

Въ XVIII столѣтіи башня св. Марка выдержала цѣлый рядъ ударовъ молній. Особенно тяжелый вредъ причинила молнія 21 апрѣля 1745 г., наканунѣ праздника св. Марка; молніей было убито и ранено нѣсколько человѣкъ, а въ стѣнахъ башни было обнаружено 37 трещинъ.

Такъ же сильно башня пострадала въ 1761 и 1762 гг., пока, наконецъ, 18 мая 1776 года, попечителями св. Марка былъ поставленъ громоотводъ на ея восточной стѣнѣ.

Что всѣ эти раны, причиненныя великану, не могли не подорвать его силы—это само собой понятно. Рано или поздно долженъ былъ настать для него роковой день, непредотвратимый никакимъ лѣченіемъ. Великанъ, просуществовавшій 1,014 лѣтъ, умеръ естественной смертью, какъ умираетъ все на нашей землѣ.

Изъ парижской жизни.

Въ первыхъ числахъ іюля исправительный судъ заслушалъ интересное дѣло, о которомъ прокричалъ весь Парижъ: госпожа дю-Гастъ обвиняла мэтра Барбу въ клеветѣ. Потерпѣвшая взялась лично защищать передъ судьями свои интересы, такъ какъ ни одинъ адвокатъ не согласился поддерживать обвиненіе противъ бывшаго президента „barreau" (камера присяжныхъ повѣренныхъ).

Свидѣтелями дю-Гастъ вызвала: метра Дамэ, нынѣшняго президента адвокатской камеры, который долженъ объяснить, почему онъ оставилъ безъ вниманія просьбу жалобщицы о привлеченіи Барбу къ отвѣтственности за клевету; художника Жервекса, авторъ картины „Дама въ маскѣ", (у него спросятъ подъ присягой, служила ли ему моделью г-жа дю-Гастъ) и, наконецъ, самое модель, Мари Ренаръ.

О самомъ процессѣ уже сообщалось въ „Бирж. Вѣд.". Здѣсь мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ жизни свидѣтельницы Ренаръ—„модели".

M-lle Renard теперь уже 39 лѣтъ; въ ея красивой головкѣ серебрится нѣсколько нитей. Она живетъ на тѣ средства, что скопила долголѣтней художественной дѣятельностью. Да, ея прошлое очень красиво; его стоитъ вспомнить. На шестнадцатомъ году она была лишь маленькой швейной ученицей, и зарабатывала 15 жалкихъ сантимовъ въ день. Американская художница примѣтила дѣвочку; заинтересовалась ея наружностью и предложила ей за позированіе сразу 250 франковъ въ мѣсяцъ—цѣлое состояніе! Потомъ и другіе художники стали восторгаться красивой головкой швеи, и Ренаръ получила много предложеній. Американка была въ отчаяніи: она металась отъ художниковъ къ натурщицѣ, чтобы защитить свою креатуру отъ опасностей парижскаго свѣта.

„Не трогайте этой дѣвушки,—говорила она художникамъ, — ея мать надѣлаетъ вамъ ужасныхъ хлопотъ".—„Не ходи къ мужчинамъ,—убѣждала она модель,—тебя постигнутъ тамъ несчастья". Но Мари Ренаръ пошла все-таки къ художникамъ, и несчастья съ ней не случилось, по крайней мѣрѣ, она такъ увѣряетъ.

Ренаръ относилась къ своему ремеслу натурщицы, болѣе чѣмъ серьезно. Она позировала только профессіональнымъ художникамъ, диллетантамъ всегда отказывала; у дѣвушки было доброе сердце

она позировала и тѣмъ художникамъ, которымъ нечѣмъ было ей платить. „Работайте, — говорила она, — и создайте что-нибудь красивое, потомъ разсчитаетесь со мной“. Дѣйствительно, проходило 3—4 года, и она получала то, что ей слѣдовало. Клеренъ, Жервексъ, Дуэцъ, нынѣ покойный Луи Лелуа, и знаменитая живописица вѣеровъ и цвѣтовъ, Меделена Лемеръ, у всѣхъ перебывала Ренаръ и во всѣхъ оставила благодарныя воспоминания. Какъ-то разъ, когда она позировала у Жервекса, въ его мастерскую явилась г-жа Ф., жена одного богатаго судовладѣльца, и заказала ему этюдъ на красивую женскую фигуру. Художникъ писалъ съ Ренаръ и во время одного изъ сеансовъ напалъ на оригинальную мысль закрыть лицо натурщицы маской. Эта мысль понравилась заказчицѣ и она часто посѣщала ателье. Таково происхожденіе знаменитой „Дамы съ маской“.

Въ салонѣ эта картина произвела небывалую сенсацію; въ публикѣ называли десятки аристократическихъ именъ, обладательницы которыхъ, якобы, послужили моделью. Бѣдныя дамы протестовали вполнѣ основательно, конечно. Профессіональныя натурщицы на-перебой при-

„Модель“—г-жа Ренаръ.

сваивали себѣ честь быть оригиналомъ картины Жервекса. Лучшей рекламы онѣ не могли имѣть. Жервексъ и Мари Ренаръ посмѣивались втихомолку; однако, художникъ принужденъ былъ драться на дуэли съ судовладѣльцемъ Ф., который счелъ себя оскорбленнымъ, не самой картиной, а тѣмъ, что жена его слишкомъ часто посѣщала мастерскую художника.

Копія картины была куплена нью-іоркскимъ коллекціонеромъ Кнедлеромъ; помимо стоимости ея, онъ заплатилъ еще большой денежный штрафъ послѣ того, какъ пуритански строгій нью-іоркскій судъ призналъ его виновнымъ въ оскорбленіи нравовъ. Другая копія была отправлена въ мюнхенскій салонъ и выставлена по требованію полиціи въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ „залъ“. Едва открылась выставка, какъ публика толпой хлынула въ уединенный салонъ и обступила „Даму съ маской“, такимъ образомъ художники перехитрили полицію. Подлинникъ же картины находится въ Александріи (Египетъ) въ галлереѣ барона Ленахъ.

Что касается Мари Ренаръ, то она послужила моделью для многихъ выдающихся картинъ. Delad рисовалъ съ нея „Гусара“, Луиза Абема прекрасную вещь „Сонъ“, Тиссо—„Божію Матерь“ для своихъ иллюстрацій къ жизни Христа. Наконецъ, когда скульпторъ Сенъ-Марсо задумалъ свою колоссальную статую „Республики“, которая теперь украшаетъ площадь того же названія, онъ лѣпилъ съ Маріи Ренаръ фигуру „Марсельезы“.

Наша натурщица имѣетъ не мало сувенировъ отъ знаменитыхъ художниковъ, и, между прочимъ, портретъ Жервекса съ надписью его: „Дамѣ съ маской на память“. Этому портрету уже 15 лѣтъ.

* * *

Въ аристократическихъ кружкахъ парижскаго общества упрочилось теперь новое занятіе, новый видъ спорта. Молодые туземцы Сенъ-Жерменскаго предмѣстья посвящаютъ свои обширные досуги цирковому ремеслу и, главнымъ образомъ, кулачной борьбѣ. Соотвѣтствующія представленія даются въ циркѣ Мольера. Все это дѣлается, правда, подъ сурдинку, чтобы не слишкомъ привлечь вниманіе газетъ и полиціи, тѣмъ болѣе, что еще недавно кулачно-ножной бой (feet-boxing-match) окончился тяжкими увѣчьями его участниковъ. Между прочимъ, итальянка Маріетта Кампелото выступила противъ трехъ мужчинъ и одержала три послѣдовательныхъ побѣды. Тотчасъ же итальянка получила множество предложеній обучать парижскихъ модницъ кулачно-ножному спорту. Поэтому, теперь въ циркѣ Мольера можно нерѣдко любоваться такимъ зрѣлищемъ: послѣ упражненій на трапеціи, „чисто сработанныхъ“ молодымъ герцогомъ Ларошфуко, выступаетъ дюжина замаскированныхъ дѣвицъ, чтобы высказать безспорныя преимущества своихъ „ножекъ и ручекъ“ въ боѣ, не всегда заканчивающемся безъ увѣчій. Кромѣ того, между Парижемъ и Лондономъ возгорѣлось соперничество, и парижскіе бойцы Бейль, Манье и Альберъ должны будутъ въ близкомъ будущемъ потягаться въ лондонскомъ спортивномъ клубѣ съ извѣстнымъ негромъ Вилли Гордонъ изъ Конектикута, всемірнымъ чемпіономъ Дэви Мейеромъ и англійскимъ чемпіономъ Сюлливаномъ. Зрѣлище обѣщаетъ, повидимому, большой интересъ: билеты уже давно распроданы въ Лондонѣ и Парижѣ между аристократами „крови“ и „кулачнаго спорта“.

* * *

Отъ этихъ нездоровыхъ общественныхъ явленій, продукта застоявшейся дегенеративной крови, не обратиться ли намъ ради отдыха къ картинамъ народной жизни, когда нарядная, нѣсколько наивная, но заразительно веселая толпа играетъ среди балагановъ и палатокъ на ярмаркѣ Нельи. Это одинъ изъ наиболѣе популярныхъ народныхъ праздниковъ во Франціи. Есть ярмарки и въ другихъ мѣстахъ: въ Монмартрѣ, Монруже, Божирарѣ, Бельвилѣ, но это все не то. Тамъ праздникъ для отдѣльныхъ классовъ и сословій, здѣсь общее торжество, котораго прелесть заключается именно въ смѣшеніи „одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній“. Несмотря, однако, на столь „смѣшанное“ общество, въ его поведеніи чувствуется какая-то внутренняя солидность, стремленіе вынести чистыя впечатлѣнія, какія лишь свойственны дѣтскимъ играмъ. Въ самомъ дѣлѣ, ярмарка въ Нельи сильно напоминаетъ большой дѣтскій праздникъ, несмотря на то, что въ немъ участвуютъ только взрослые. Вотъ, напримѣръ, огромный циферблатъ съ цвѣтными стрѣлками, а передъ нимъ десятка два велосипедистовъ. Они до изнеможенія работаютъ на педаляхъ, но съ мѣста не двигаются. Только красныя, зеленыя, желтыя стрѣлки отмѣчаютъ, кто больше выкрутилъ.

Въ сторонѣ прилично одѣтый молодой человѣкъ тянетъ изо всѣхъ силъ... свинью за хвостъ. Это новый динамометръ. И всякій разъ, какъ силачъ ухватывается за хвостъ, раздается хрюканье, настоящее свиньё хрюканье.

Вотъ карусель съ музыкой: только коней замѣняютъ опять-таки свинушки. Молодежь возсѣдаетъ на нихъ съ уморительной важностью, а кто знаетъ, не грезится ли ей въ эту минуту катанье на кровныхъ рысакахъ, тамъ, въ Булонскомъ лѣсу. Развѣ палочка не замѣняетъ ребенку Пегаса?

Чего только нѣтъ на ярмаркѣ въ Нельи: русскія горы, турникеты, арена для борьбы, циркъ, театры, звѣринцы,—всего не перечесть. Среди балагановъ продаютъ сласти, горячіе и прохладительные напитки. Но пьяныхъ почти незамѣтно. Опьяненіе здѣсь иное: толпа кружится, катается, танцуетъ, пока не завертится голова, и въ этомъ ея удовольствіе. Нехорошіе инстинкты какъ-то парализуются сами собой, и къ наивному веселью не примѣшивается нездороваго элемента, порождаемаго бездѣліемъ и излишествами.

Парижъ,
въ іюлѣ 1902 г. **Л. А.**

Духовныя конгрегаціи во Франціи до и послѣ парламентскихъ выборовъ.

(Къ рисункамъ на стр. 221).

Парламентскіе выборы во Франціи прошли, какъ извѣстно, на этотъ разъ спокойнѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы: у избирательныхъ урнъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ. Но настоящіе выборы выдѣлялись особеннымъ усердіемъ со стороны духовныхъ конгрегацій, имѣющихъ достаточно основаній для того, чтобы быть недовольными французскимъ правительствомъ и потому прилагавшимъ всѣ старанія къ тому, чтобы провалить его во что бы то ни стало. Кромѣ усердной молитвы за провалъ министерства, пускались въ ходъ всякія средства. Вотъ, напримѣръ, какой циркуляръ былъ разосланъ ультрамонтанскимъ комитетомъ департамента Лозеры всѣмъ безъ исключенія членамъ духовныхъ конгрегацій, мужскихъ и женскихъ. „Наступилъ знаменательный моментъ—однѣхъ молитвъ уже недостаточно,—нужно дѣйствовать. Напишите немедленно своимъ отцамъ, братьямъ, родственникамъ: „Если вы меня любите, избавьте меня отъ изгнанія. Сами подайте голосъ за депутата (имярекъ) и собирайте въ его пользу голоса“. Къ циркуляру были приложены почтовыя марки для отправки писемъ „отцамъ, братьямъ и родственникамъ“.

Нашъ рисунокъ иллюстрируетъ нѣсколько моментовъ предвыборнаго возбужденія среди духовныхъ конгрегацій. Тутъ происходитъ агитація; тутъ же совершается усердная молитва за провалъ министерской партіи.

Молитвы конгрегацій были услышаны лишь наполовину. Правительство во Франціи дѣйствительно перемѣнилось, но новое министерство Комба отнеслось къ духовнымъ конгрегаціямъ еще менѣе привѣтливо, чѣмъ министерство Вальдека-Руссо.

СКОРОСТЬ СОВРЕМЕННЫХЪ ПОѢЗДОВЪ.

Недавно опубликованныя статистическія данныя показываютъ, что самые скорые поѣзда ходятъ въ настоящее время во Франціи, которая побила въ этомъ отношеніи всѣ рекорды. Французское сѣверное желѣзнодорожное общество имѣетъ въ своемъ росписаніи постоянные скорые поѣзда, которые дѣлаютъ до 90 километровъ въ часъ. Скорый поѣздъ № 317, отходящій изъ Парижа въ 8 час. вечера и прибывающій въ Лилль въ 10 ч. 45 м., дѣлаетъ даже ровно 90 килом. въ часъ. Но кромѣ этихъ постоянныхъ поѣздовъ есть еще необязательный роскошный поѣздъ Медитерранэ-Калэ, пробѣгающій до 102 километровъ въ часъ.

На Орлеанской линіи Sud Express идетъ

Жоржетта Лебланъ,
жена французскаго поэта Метерлинка, исполняющая заглавную роль въ его пьесѣ „Монна Ванна".

со скоростью 86 километровъ, развивая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстроту въ 90 и даже 95 километровъ въ часъ.

Поѣздъ Оріентъ-Экспрессъ (Парижъ-Константинополь), проходя по Франціи, дѣлаетъ 78 километровъ въ часъ. На линіи Парижъ-Гавръ циркулируетъ поѣздъ со скоростью 76 килом. На линіи Парижъ-Ліонъ-Медитерранэ скорый поѣздъ дѣлаетъ всего 70 килом., но зато онъ идетъ съ этою быстротою на всемъ огромномъ протяженіи въ 863 километра, отдѣляющемъ Парижъ отъ Марселя; на этой линіи встрѣчается много подъемовъ и закругленій, и кромѣ того, этотъ поѣздъ долженъ еще часто замедлять ходъ, благодаря многочисленнымъ развѣтвленіямъ этой линіи, усѣяннымъ стрѣлками.

Непосредственно за Франціей слѣдуютъ Соединенные Штаты. Извѣстно, что американцы часто любятъ преувеличивать. Поэтому, не слѣдуетъ буквально понимать ихъ увѣреніе о томъ, что у нихъ скорые поѣзда дѣлаютъ полтораста километровъ въ часъ. На линіи Берлингтонъ, правда, одинъ необыкновенный поѣздъ былъ пущенъ для пробы на всѣхъ парахъ и развилъ скорость до 159 километровъ въ часъ; но американцы этого опыта не возобновляли. Большой же экспрессъ на линіи Нью-Іоркъ-Буффало дѣлаетъ всего лишь 87 кил. 200 м. въ часъ.

Въ Англіи экспрессъ, циркулирующій между Лондономъ и Эдинбургомъ, дѣлаетъ 84 километра въ часъ. Число мѣстъ въ вагонахъ ограничено, и потому вѣсъ поѣзда никогда не можетъ превысить максимальной для него нормы. Въ Германіи путешествуетъ собственно всего только одинъ скорый поѣздъ, между Берлиномъ и Гамбургомъ (80 килом. въ часъ). Въ Австріи и Россіи мы находимъ уже гораздо меньшія скорости— 68, 67 и 61 кил. въ часъ.

Рекордъ по части медленности побила, повидимому, Сербія; самые скорые поѣзда не дѣлаютъ тамъ болѣе 29 килом. 900 м въ часъ.

Лордъ Левлей,
новый губернаторъ Трансвааля, назначенный вмѣсто лорда Мильнера.

Рисунокъ медали для выдачи въ награду экспонентамъ недавно закрытой кустарно-промышленной выставки въ С.-Петербургѣ.

† Американскій милліонеръ
Макай,
прозванный „серебрянымъ королемъ".

Величайшій домъ въ мірѣ, недавно законченный постройкой въ Нью-Іоркѣ.

Новѣйшія парижскія моды... для лошадей.

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера). Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппeръ.